

16+

Игорь Киселев

Темь

В битве за истину

Игорь Киселев

Темь. В битве за истину

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51836188

SelfPub; 2020

Аннотация

В поисках причин надвигающейся на Землю Теми и предотвращения грядущей катастрофы во взаимоотношениях между людьми, неконтролируемого проникновения магии в этот мир и прочих напастей сборный отряд в составе людей, магов, славянских богов и иных любопытных существ упорно продвигается к цели, не взирая на козни противников и две извечные беды России – дураков и дороги. Удастся ли отряду преодолеть не только эту дорогу, но прежде всего самих себя? Честность и верность, опора на плечо товарища – это то, во что верят и люди, и боги, и даже рептилоид с троллями.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	47
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1

В своей гималайской пещере Радегаст тревожно всматривался в плавающий перед ним шар, представляющий собой Землю. По шару бежали серые тени, затмевая материки, уплотняясь то здесь, то там, и явно прослеживалась тенденция стягивания их к одной точке, которая находилась на северо-западе страны, именуемой Россия.

– И чего там происходит? – бормотал Радегаст, буравя взглядом эту точку. – И ведь не фокусируется, зараза... Какой хад помехи поставил, а?

Он заметался по пещере, взметая полы своего любимого багряного халата, хватая то одну вещь из своей коллекции, то другую, бормоча при этом: «Так, кровь василиска... Не то... Яйцо птицы Сирина... Или Мишки Пятнистого? Фу, какая гадость... Череп Вечного жида? Не может быть, как же он без черепа-то... А похож! Тогда чей это череп?».

Утомившись и вконец расстроившись, солнечный бог плюхнулся в подплывшее к нему кресло и глубоко задумался.

– Н-да, – наконец сказал он. – Пора проводить инвентаризацию. Полный бардак, – и окинул печальным взглядом пещеру. – Музей какой-то, а не действующий арсенал.

– Ты еще отчетность наладь как следует, – прозвучал в пещере чей-то насмешливый бас.

– Для ревизора, что ли? – автоматически ответил Радегаст и, опомнившись, полыхнул яростным светом, взвился в воздух. – Это кто еще здесь меня учит?

Ответом ему был басовитый хохот, раздавшийся из ниоткуда.

– Ладно, – разъяренно прогрохотал солнечный бог и превратился в сияющий шар, который заполнил своим светом все тайные закоулки громадной пещеры.

– Чего искать, тут я... – проворчал бас, и в центре зала появился черный шар, раза в два превосходящий по величине шар золотой.

А затем в пещере мгновенно разразилась феерическая буря огненных всполохов – белых, золотых и черных. Каменные стены задрожали от грохота, воздух заполнился пылью и летящими во все стороны осколками Радегастовых сокровищ, обломками мебели и многочисленных шкатулок. Сорванные со стен ковры, свиваясь и развиваясь, метались, словно крылья гигантских птиц, а шкура саблезубого тигра, распластавшись на одной из стен, мелко подрагивала, словно в страхе. И лишь шар, символизирующий Землю, остался недвижим и незыблем в этом клубке белых и черных молний, серые тени по-прежнему ползли по нему, свиваясь и стягиваясь к одной точке, наливающейся черно-фиолетовой мглой.

Какое-то время бешеные темпы обмена слепяще-белыми и чернильно-черными энергетическими ударами обоих

шаров были одинаковыми. Сами шары стремительными росчерками мелькали в воздухе, уходя от ударов, описывали сложнейшие кривые, роняя золотые и черные брызги; в воздухе мощно сплетались звучание двух струн, одна из которых высоко звенела, а другая издавала глухой, басовитый гул.

Затем полыхающий золотым светом шар замедлил темп, словно подустав, и пару раз черные языки коснулись его. Почти одновременно раздались болезненный вскрик и торжествующее рычание. В пещере словно потемнело. А затем ее пространство зигзагом прочертила угольно-черная молния, состоящая из бездонной тьмы, без малейшего намека на отблеск, словно в ткани бытия образовался мрачный извилистый разрыв, четко поделив ее на рваные части.

Молния целилась в Радегаста. Однако он чудом ушел от нее, и черный росчерк вонзился в стену пещеры. Последовал громовой удар, стена разошлась, и сквозь трещину проглянуло темно-фиолетовое, близкое к космосу небо. Завыл ветер, вынося наружу, в разреженный воздух, пыль, осколки, обломки...

– Вот и твоя физическая защита снята, – довольно прогрохотал бас. – Конец тебе пришел, Рыжий. Да и твоей команде внизу кранты.

– Рано хвалишься, Велес, – прохрипел солнечный бог. – Еще не вечер...

Однако следующая черная молния ударила уже в него, и

золотое сияние померкло, проваливаясь в чернильную тьму, хлынувшую в пещеру.

***

– Да что же это за хрень такая! – просипел Никитич, из последних сил удерживая прогибающийся бледно-синий купол, выпуклым щитом накрывающий всю группу. – Силов-то уже нетути...

Мертвенно-бледный Митромир заметно пошатывался, словно отталкивая руками от груди непомерную тяжесть. На лбу у Весняны появились заметные морщинки. По серому «бетону», покрывавшему пяточок земли, на котором стояли путешественники, змейками побежали трещины. Рев ветра вокруг усилился, кольцо бревен, в которые превратилась сжимающая их стена деревьев, стало с треском и визгом сужаться. В иссиня-черном небе раздался отвратительный треск, бледно-зеленый диск, удерживавший стремящийся к земле хобот воронки, распался на части, и вращающееся с бешеной быстротой темное пятно стало стремительно приближаться к земле.

Леха злобно выругался, глядя на приближающийся смерч. Антон с тоской посмотрел на ненужный меч, который держал в руке, а затем в бессильной ярости воткнул его в трещину, расплзающуюся в серой тверди... И с воплем выпустил рукоять.

Непонятные полустершиеся руны на мече вспыхнули и засияли ослепительным белым светом, таким же светом заси-

яло и лезвие, а рукоять, словно раскалившись, стала рубиново-красной. Меч вздрогнул и медленно пошел вниз, словно проваливаясь в ставшую зыбкой землю. Откуда-то снизу раздался тоскливый вой, и почва ощутимо вздрогнула, словно шкура животного. Когда меч вошел в землю до рукояти и остановился, вой достиг пика, а затем резко оборвался. Трещины в серой плите остановили свой разбег, застыли, прекратились и колыхания почвы.

Весняна резко выдохнула и вытерла пот со лба, с изумлением глядя на необыкновенный меч. Во все глаза смотрели на него и Антон с Лехой.

– А я что, хуже? – вдруг самонадеянно заявил любитель татуировок и с изяществом махнул персидской сабелькой по приближавшейся стене бревен.

Сабелька тонко звякнула и распалась на изломанные пластинки стали.

– Уродство какое, – расстроено молвил Леха сам себе. – Бракоделы басурманские... – и брякнул щитом о бревна.

Щит постигла та же участь, он разлетелся, словно был из стекла.

– Булаву давай, она русичами делана! – заорал Никитич, косясь из-под лохматых бровей на Леху, глаза его светились нестерпимым синим огнем. – Дармоед на нашу голову!

– Сам такой, – огрызнулся тот, выдирая из-за пояса тяжеленную булаву. – Это тебе не пальчиками играть... – и, размахнувшись, со всей силы вдарил по сжимающейся бревен-

чатой стене.

Раздался оглушительный треск, и в стене появилась видимая щель.

– Раззудись, рука, размахнись, плечо! – заорал Леха, вспомнив, видимо, свой техникум культуры и остатки фольклора, и вдарил по стене еще раз, чуть не зацепив Митромира.

Во все стороны полетели щепки, обломки, в стене словно прорезало дорогу.

– Полегче, приятель! – сердито крикнул боевой маг, но в его усталых глазах заплясали веселые огоньки.

– Уфф... – Леха замахнулся булавой еще раз, но замах получился слабеньким, и оружие только брякнуло о бревно.

– Дай-ка я... – Антон выдрал булаву у него из рук, взмахнул ею и опустил ее на ближайший кусок стены.

Эффект получился ошеломляющим. Далеко вокруг пронесся стон, и широкая просека пролегла вплоть до живого леса, гнувшегося под ураганными порывами ветра.

– Бугай, – сердито проорал Леха. – С моей-то булавой каждый сможет...

Антон промолчал и еще раз ввалил по бревнам. Просека превратилась в проспект, а от грохота снова заколебалась почва далеко вокруг, даже гранитный увал, секунду поколебавшись, дрогнул.

И в конце этого проспекта из живого леса парадно появился растрепанный куст, стремительно приближающийся и во-

лочащий за собой некий помятый, превратившийся в бесформенный кусок металла, но все еще знакомый инопланетный ящик.

– Хухрик, гад! – дружный, негодующий вопль всей компании перекрыл даже яростный рев ураганного ветра.

– Кому гад, а кому – спаситель! – возвестил издалека куст, и вправду оказавшийся Хухриком. – Чендово базлаю, гряндил я, как шмундель истинный, пока вы тут хехрились неоправданно...

– Тьфу, – плюнул Митромир и даже руки уронил. – Вот шишиг неисправимый...

Куст меж тем с приличной скоростью приблизился и вправду оказался Хухриком – зеленым, пыльным, шишковатым, но очень уверенным в себе. Позади него, неведомо как прикрепленный, мотался трезубец.

– Ща, – молвил Хухрик, и его подслеповатые зеленые буркалы победно засветились. – Шмундель долго выжидал, как и положено. Но теперь он отомстит... За деточек моих...

Он склонился над бранными остатками иноземной техники, что-то поколдовал в ней ручками-ветками, а затем взял этот кусок металла и с неожиданной силой швырнул в жерло черной воронки, бывшей не более чем в полусотне метров от путешественников, возле которых уже завивался жадный ветряной водоворот.

– Крандец, – обреченно молвил Митромир. – Ну хоть бы инструкцию наперед прочитал...

Смерч всосал в себя, как песчинку, орудие мщения Хухрика и, казалось, задумался. Черные тучи тоже замедлили свое безумное движение и с любопытством уставились вниз, на землю, ожидая продолжения событий. Стих даже ураганный ветер, и наступившее затишье показалось звенящей тишиной.

– Кхе, – осторожно кашлянул Никитич. – Хухрик, а ты уверен, что нажал тот самый крандель? И не будет хропса?

Хухрик с достойной невозмутимостью воспринял неожиданные лингвистические познания домового и кратко ответил:

– Сейчас будет хропс. А может, и нет.

В темных небесах кашлянуло. Похоже, там никак не могли переварить взвездной подарок.

А потом в черном небе родился круг. Он в доли секунды расширился, как при ядерном взрыве, разорвал черные тучи, проглянуло ярко-синее небо – и только теперь стало понятно, что сейчас – день, где-то светит солнце... Круг быстро расширился на полнебосклона, подул ужасающе ледяной ветер, все пространство заполнил, заглушая все прочие звуки, хлопок лопнувшего мыльного пузыря...

Исчез черный смерч. Беззвучно разметало стену бревен. С гранитного увала, высившегося на краю поля битвы, потекли каменные слезы, словно от нестерпимого жара. Черные тучи помчались в разные стороны, как уносимые ветром легкие птицы. А хлынувший между ними яростный солнеч-

ный свет поднял невесомые песчинки того, что именовалось горсткой существ, сбившихся воедино возле увала, и с легкостью умчал их вдаль, не спрашивая ни имени, ни отчества, ни того, где, кто родился...

***

В пещере Радегаста в этот момент тоже произошли изменения. Черная волна, затопившая покои солнечного бога, разом посерела, в ней появились проплешины, сквозь которые пробились острые лучи света. Они шли от маленького золотого шарика, зацепившегося за край расщелины, через которую ветер со свистом продолжал уносить наружу, в горную пустыню, бесценные Радегастовы сокровища.

Черный шар, в свою очередь, как-то увял, посерел, а потом стал медленно уплывать вглубь пещеры.

Золотой шарик вспыхнул, засиял ослепительным белым светом, а протянувшиеся от него острые лучи переплелись, свились, начихав на все законы физики, и образовали своего рода клетку, в которой прочно застрял черный шар, не сильно, впрочем, пытавшийся вырваться, словно из него выпустили воздух.

В расщелине образовалась легкая дымка, которая быстро затвердела, уплотнилась и стала камнем, затянувшим прореху в стене. Свист прекратился. Откуда-то из глубин стен вырвались потоки свежего воздуха, и атмосфера в каменном зале стала приобретать аромат лесов и трав.

– Что поделаешь, – прокряхтел золотой шар, приобретая

первоначальные размеры. – Люблю комфорт.

– Сибарит хренов... – донеслось со стороны черного шара.

В пещере вспыхнуло, и на месте золотого шара объявился Радегаст все в том же багряном халате, хотя изрядно прокопченном, украшенном подтеками сажи. Выглядел солнечный бог утомленным, но довольным. Он театрально хлопнул в ладоши, и сквозь стены пещеры посыпались его утерянные сокровища, становясь на свои места.

– Так... – Радегаст пошел вдоль полок и шкафчиков, на которые плавно устанавливались ларцы, склянки, черепа и прочие, несомненно, очень полезные предметы. – Пепел Филиппа Грудастого... Был такой королишка, помнится... Почечный камень Бориса Московского... И такого пьяницу помню... Яйцо Хуана-педрилы... Правое, кажется, а где левое? А! Вот оно... Надо ж, куда занесло – к хвосту саламандры. Знает, где пристроиться...

– Ну ты как еврей в своем подвале мешки пересчитываешь, – скрипуче проворчал черный шар.

– Сидишь в клетке – и сиди, – сварливо ответил Радегаст. – Халат вот мне испортил. Где я еще такой найду? А насчет евреев – это твое воинство. И как это ты с ними связался?

– Ты мне тут антисемитизм не разводи, – шар шевельнулся, но как-то вяло. – Шовинист...

– Еще фашистом назови, – Радегаст помолчал, углубив-

шись в подсчеты своих богатств. – Да вылез бы ты, Велес, из кокона-то силового. Чего уж теперь... Мощи-то все равно лишился. Выходит, крепко там, внизу, повоевали. Силы ты туда послал знатно, да вишь, против нее другая нашлась... Да и демона твоего подземного прикончили. Долго тебе теперь силушку копить.

Шар как-то мрачно помолчал, потом пробурчал:

– Бездари... Я же этому Сардориусу целый ураган послал с модернизированным смерчем. А он лесоповал устроил... Да еще и в глаз получил как следует, – вздохнул и с тихим шелестом превратился в хмурого старика, одетого в темную хламиду.

С плеч Велеса ниспадал плащ, казалось, сотканный из черного тумана, застегнутый на левом плече причудливой пряжкой, сделанного из белого блестящего металла. И в хламиде, и в плаще виднелись изрядные прорехи, придававшие богу вид потрепанного судьбой нищего.

Велес попробовал сделать шаг влево, вправо, но не смог, сдерживаемый белыми лучами, крикнул и присел на появившийся рядом стульчик.

– Хватит скопидомничать, – проворчал он. – Давай лучше поговорим, как дальше быть.

– Ага, приспичило, – огрызнулся Радегаст, возвращаясь из дальнего угла пещеры. – С этого и надо было начинать, а не швыряться молниями. Думаешь, я там своих без прикрытия оставил? Да они и сами не дураки, артефактами обзаве-

лись.

Велес угрюмо молчал, наблюдая за солнечным богом. Радегаст уселся в возникшее из воздуха кресло и внушительно откашлялся.

– Как же ты докатился до союза с Черными, Велес, – важно начал он. – Бог мудрости, бог скота... Гм... Домашнего. Чего ты там у нас еще бог? С животными дружишь... С диким лесом, охотника да землепашцам покровительствовал. Как же ты к Чернобогу переметнулся-то, а?

Велес покривился.

– Ты забыл, что я еще встречаю души умерших на пороге Нави, – проворчал он. – И определяю, куда им далее идти. Хотя таких душ и немного нынче, верных богам славянским. Это моя темная сторона...

Радегаст вскочил и забегал по пещере, забыв о важности, взметая пыль полами своего прокопченного халата.

– Какая же темная, Велес? – заволновался он. – Ты бог богатства, благополучия людей, даже от жертв кровью отказался в раннем средневековье! Видишь, какой ты на самом деле гуманный? Да ты вообще филантроп, только об этом не знаешь!

– Ты мне пообзывайся еще, – прогудел Велес. – Набрался тут словечек, с верхушек на людей гляючи...

– Эх, невежда, – закричал Радегаст. – Совсем закоснел с этими Темными... Им-то как раз нужен поглупевший бог. Ты же великий хранитель Прави, брат Солнца, а значит, и

мой брат! Неужто зов крови ничего не значит?

– Какое там родство, – ухмыльнулся Велес. – Людишек послушать, так мы вообще от одной коровы родились. Или козы, кажется?

– Ну, если уж на то пошло, – парировал Радегаст, – то я тоже имею право судить людские души как загробный судья. А на щите, между прочим, обязан таскать голову буйвола, то есть тебя представлять.

– И башку тебе предписано иметь львиную, – злорадно добавил Велес. – А чего это она у тебя людская, а? Нарушаешь, братец...

– Ты вообще мохнатым должен быть, – парировал Радегаст. – Или как это там... волохатым, вот!

– Сам ты волохатый, – засопел Велес. – Петушья башка.

– А за петуха ответишь! – взъярился Радегаст, грозно сверкнув глазами.

– Ну, не я же обязан петуха на голове таскать, а тебе по статусу положено, – довольно заржал Велес.

Радегаст еще раз посверкал очами, а потом неожиданно тоже залился залиvistым тонким смехом. Потом махнул рукой, и лучевая клетка вокруг Велеса исчезла.

– А не боишься? – ехидно осведомился скотий бог.

– Нет, – просто сказал Радегаст. – Давай лучше выпьем, иначе какие же мы славянские боги!

...Пару часов спустя под сводами пещеры раскатисто, хотя и не очень внятно, гремел «Марш славянки», исполняе-

мый шатающимися басом и тенором. Басил Велес, а тенорил Радегаст, причем оба во время этого процесса, опираясь друг на друга, пытались изображать строевой шаг, выписывая кренделя по каменному полу...

Глава 2

В этот прекрасный солнечный день, что редкость для нынешней слякотной зимы, далеко к северо-западу от Ладожского озера компания странных существ мирно веселилась на опушке хмурого хвойного леса. Громадные ели словно расступились, колоннами возвышаясь вокруг опушки, на которой необычным голубым пламенем горел небольшой костер, слабый дымок от которого не достигал хмурых древесных верхушек. Сквозь редкие проблески между стволами елей первозданно просвечивало ровным льдом небольшое озерцо.

Компания состояла из десятка корявых леших, такого же числа домовых-овинников, одного царственного водяного и, конечно же, полтора десятков русалок, кутавшихся в полушубки, явно одолженные лешими и сшитыми на скорую лапу сухожилиями разных животных.

Народ жарил на костре уже не первого, судя по разбросанным вокруг костям, кабана и употреблял обычный лесной самогон, припасенный еще летом, настоящий на ягодах лесной земляники. Хранился этот напиток в огромных стеклянных бутылках, явно позаимствованных в окрестных деревнях.

Судя по всему, главенствовал в этой компании огромный лешак, одетый необычно для этих мест. Кожаная курт-

ка, модные ботинки и золотой перстень-печатка на корявом пальце явно дисгармонировали с угрюмым величием карельского леса. Но главенствовал этот субъект, так сказать, неформально, поскольку «тронное» место – а именно огромный пенёк – принадлежало водяному, толстому и рыхлому существу с сизым носом.

– Не, ну вы не в курсах, в натуре! – рычал уже изрядно охмелевший лешак с печаткой, помахивая поджаристым кабаньим ухом, удивительно напомилавшим ухо самого оратора. – Прикинь, братва, я ему грю: кому понты кидаешь, глазелки протри, позырь, кто здесь мазу держит, а этот фуфел типа в непонятках мне дело шьёт!..

Лесная публика с почтением внимала ему, не понимая ни слова.

– Это он по-каковски изрекает? – осмелился шепнуть один из овинников на ухо водяному. – Просвети, мудрейший!..

– Я так думаю, – важно булькнул водяной, – изрекает он не по-нашенски, а речь ведет о том кожаном кафтане, что ему сшили и который на нем. Вишь, недоволен как!..

– Да, плохо, видать, сшили кафтанишко, – понимающе покивал овинник. – А фуфел – это портняжка-то сам в фуфайке был, может, даже из наших, местных, лагерных!..

– Да, наши, которые из лагерей-то побегали, делают шитье получше, – пробулькал водяной и любовно оглядел полшубки русалок. – И фуфайки у наших модного фасону, не

то, что Вованов кафтан-то...

– И сколько же ты словес знаешь, мудрейший, – почти-тельно вздохнул домовой, отодвигаясь и припадая к деревянной чаше, в которой колыхался самогон.

Из глубокомысленной беседы лесных жителей можно было заключить, что ораторствующий лешак с золотой печаткой был Вованом из Питера, непонятно как здесь очутившимся. Несмотря на то, что он, казалось бы, должен был продирается в это глухое место по лесной чаше, на его кожаной куртке не было ни царапины, а лакированные ботинки, из-за размеров больше смахивавшие на лыжи, сияли первозданным блеском. Вована упустили даже сторожевые лесовики, чуявшие приближение чужого за десяток верст. Сам же незваный гость умалчивал как о способе своего неожиданного появления, так и о целях визита.

Вся компания заседала с утра, а так как дело шло уже к обеду, в который плавно переходила утренняя попойка, то общество постепенно разбилось на группки беседующих – тем более, что в тарабарщине Вована никто не разбирался. Заскучал даже флегматичный водяной, всхрапнувший было часок. Лишь один домовой-овинник, тот, что интересовался у водяного переводом Вовановых речей, продолжал внимательно слушать разглагольствования пришельца из Питера. Причем внимал так бдительно, что посторонний наблюдатель, знакомый с российской действительностью, вполне мог бы заключить, что этот лесной житель нес в местной ча-

ще некие функции службы безопасности, контрразведки и осведомителя в одном лице.

– Скажи, многоопытнейший, – вклинился он, наконец, в поток Вованова повествования о фуфлах, разборках и стрелках, – ты-то к нам зачем пожаловать изволил? Ежели фуфайку сшить, дак у нас есть кому, и фуфлы получше вашего будут... Гостя завсегда рады уважить, недорого возьмем. Но вот только больно уж мудреная речь у тебя, пойдем по простоте нашей...

При этих словах маленькие глазки домового сделались оловянными. И он вдруг до крайности напомнил Вовану опера из какого-нибудь райотдела полиции, недалекого и малограмотного, но въедливого и глубоко убежденного в том, что каждый, не носящий полицейские погоны – потенциальный преступник, а хуже того – не приносящий ему никакого дохода. Эту малопочтенную публику Вован знал не понаслышке, а потому вмиг подобрался, посуровел и решил применить испытанный метод мозговой атаки.

– А что, у вас здесь наличествует эксклюзивный пошив фуфаек? – спросил он. – Гучи, Сен-Лоран, Готье или хотя бы просто Зайцев?

Глазки овинника остекленели, он покачнулся и уставился на водяного с немим вопросом. Тот, поняв, что надо выручать собрата, прокашлялся, внушительно побулькал и произнес:

– Зайцы у нас в лесу не перевелись, однако. А о другом

зверье не слыхивали. Так что ежели ты за заячьим кафтаном прибыл, это мы можем.

Вован удовлетворенно крякнул. Разговоры на поляне притихли, и присутствующие с почтением внимали высокоученой беседе.

– А вот, – продолжил гость из Питера, – слышал я, что неподалеку здесь наличествует иномирный переходный модуль, который работает в активной фазе попеременно. Не знаете ли, почтеннейшие, периодичность, так сказать, активизации?

Теперь осоловел уже сам водяной, а на поляне воцарилась мертвая тишина. Лесной опер, казалось, приготовился хлопнуться в обморок. Было очевидно, что проживание в северной столице благотворно отразилось на кругозоре Вована.

Третью попытку продвинутый леший решил не повторять, чтобы окончательно не ввести собеседников в ступор, тем более что цель была достигнута: бдительный домовый временно был выведен из строя.

– Короче, у вас где-нить есть тут дорога в Раземелье? – напрямую спросил он. – Я так понимаю, что у вас тут не тень. Вы живете в большом мире. И где-то тут неподалеку есть Увал, – и Вован многозначительно замолчал.

Полянка дружно вздохнула.

–А-а-а... простите, – вкрадчиво сказал бдительный овинник. – Вы каким боком тут? Вы, конечно, из наших, но касемо местов тутошних... В незнакомом кафтане, в незнае-

мом обличье, без родичей... Как мы можем поведать, где тот самый Увал? Это знает только наш мудрейший.

И он значительно посмотрел на водяного.

Водяной был из той широко распространенной породы начальников, независимо от ранга, для которых почтительный и восхищенный взгляд подчиненного был превыше всего. И потому он вначале даже малость побагровел, потом порозовел и, наконец, соблаговолил ответить со всей важностью:

– Мы... эээ... поразмыслили. Дорогу откроем не каждому. Говорите, почтенный, а мы решим.

Ответная речь Вована была подобна песне. В ней были тайна рождения, обиженное детство, неудовлетворенная юность и многотрудная зрелость. Если бы такую биографию имели нынешние правители государства, оно или процветало бы, или вошло в века как образец чистой жертвенности и идеала.

Однако Россия не имела таких правителей. Ни в прошлом, ни тем более в настоящем. А потому Вован закончил чисто прозаически, соответственно духу времени:

– Граждане лесные, базар идет о спасении нашего мира, а значит, и нас с вами. Надеяться более не на кого, Темь идет, вы и сами видите. Если не мы, то кто?

Лешак вдохновенно воздел лапы кверху и устремил вдохновенный взор к небу. И крякнул.

Очевидно, в этом кряке было нечто такое, отчего вся ком-

пания подняла головы.

– Шухер! – испуганно воскликнул бдительный овинник и одним прыжком исчез в мелколесье, росшем под пологом величественных лиственниц.

Очевидно, в этом сообществе доверие его интуиции было настолько велико, что через секунду поляна оказалась пуста, если не считать застывшего от удивления Вована. Даже водяной, более похожий на бурдюк, проявил неожиданную резвость и удрал в ближайшую озерную полынью вместе с русалками.

И было чему удивляться: еще в недавно сиявшем чистой синевой небе быстро наливалась чернотой туча, из которой тянулся к притихшему лесу извивающийся хвост воронки. И оттуда же, с неба, к земле несся угрожающий свист, очень быстро перерастающий в рев.

– Ёптыть! – рывкнул Вован. – Довели планету с этим потеплением... – и одним громадным прыжком перенесся под кроны леса.

И вовремя, потому как воронка стремительно, словно черная молния, ударила прямо в центр лужайки, разметав брызнувшие стеклянным дождем бутылки, кости, бревна... Поднявшаяся буря пригнула верхушки окружающих поляну деревьев, с треском обламывая ветки, наступила темная мгла.

Однако все закончилось так же быстро, как и началось. В центре поляны засиял свет, разорвавший темную мглу, в

воздухе резко запахло озоном, и через минуту невозмутимое синее небо наблюдало за тем, что происходит где-то внизу, на клочке земли посреди бескрайнего зимнего леса.

На разоренной опушке, сейчас более напоминающей воронку после взрыва бомбы не слабой мощности, барахталась странная компания, в которой Вован, отважившись выглянуть из-за ствола мощной лиственницы, с изумлением опознал команду спасателей мира, которую он самолично управлял из Питера.

Более всего чихал Никитич.

– А-а-апчхи! – вздымалась борода домового, а вместе с ней сотрясались соседние ветки на краю поляны. – Мать ттт-вою.... А-а-пчхи! – и вздыбленная борода вместе с бедовой головой домового в пароксизме чиха окуналась в помесь перепаханного мха со снегом.

– А-а-пси!... – вторил мощному чиху чей-то немощный и писклявый созвук. К удивлению Вована, писк принадлежал Лехе.

– О-о-очхо! – это, несомненно, был басовитый чих Митромира, заведомо сообщавший о солидном статусе его обладателя.

– Э-э-эпчхай!... – рычал Антон, синхронно с Никитичем окунаясь в благодатную карельскую землю. Чих его был прост, благороден и незатейлив.

– Ф-ф-фурьс! – по-кошачьи фырчала Весняна, и слезы текли из ее глаз.

Следующий сочихатель, более похожий на потрепанный бурями куст, только раскачивался и периодически вздрагивал корявыми ветками, издавая, впрочем, квакающие звуки.

Лесное сообщество, попрятавшееся в поломанном мелколесье, окружавшем поляну, с изумлением взирало на свалившийся с неба самодеятельный чихательный оркестр.

– Африканских бубнов не хватает, – громогласно прокомментировал Вован и выступил на сцену. – С прибытием, братьяны!

– Лешак – он и есть лешак... – пробурчал Антон, потирая распухший нос. – У негров нет бубнов, они... э-э-эпчхай!.. На барабанах играют...

– Пси!... – пискнул возмущенно Леха. – Играют... негры... они стучат просто тупо, зуб даю, как культурный чел...

– А-аэ-э-о-хай! – рявкнул Митромир, потрясая растрепанными темными кудрями. – Весь нос забило этой пылью, пока летели... А вы тут о симфоническом оркестре...

– Крепко вас стукнуло, – продолжил комментарии Вован, выбираясь на поляну. – До сих пор не по делу базарите... Уж лучше помолчите пока... – Эй! – обратился он к притихшему мелколесью. – Выходите, это свои, я за них гарант типа даю, в походе они, помочь нужно.

– Ты еще сам непонятно кто, – высверкнули из-за спутанных веток бдительные глазки опера-овинника. – Ну, да ладно, народ, видно, Раземелья корня, щас мы их в порядок при-

ведем.

***

Уже поздно ночью на той же поляне вновь горел костер. Прибывшую в воронке вихря группу гостей спешно накормили остатками вечернего пира, уложили спать на мягкой хвойной подстилке, укрыв звериными шкурами, и оставили в покое: лесные жители в нужные моменты отличались чуткостью. Лишь Вован сторожил их покой, задумчиво смотрел на темнеющий полог леса, на проясневшее небо, тихо украшающееся звездами, временами вздыхал и ковырял в зубах косточкой, подхваченной из костра. Если бы можно было сказать, что по корявому лбу лешака пробежали думы, то это было именно так.

Из чащи за задумавшимся лешаком наблюдал тот самый сверхлюбопытный овинник с ухватками опера. Очевидно, сочинял в уме очередную докладную своему водному патрону.

Лешак осмысливал все происшедшее, и оно нравилось ему все меньше. Вован прошел суровую школу вначале Митромира, затем бандитского капитализма, и обе школы приучили его мыслить, а уже потом действовать, чтобы просто выжить.

Дела лешака в последнее время шли не блестяще. На историческом совещании в квартирке Никитича он сказал далеко не все. Славное героически-бандитское прошлое неумолимо таяло в серой дымке надвигавшегося настояще-

го. Неизвестно откуда появляющиеся тихие и незаметные людишки занимали чиновничьи посты, прибирали к рукам собственность и попросту изымали ее... Причем, происходило это вроде как законно, да и многие из людишек были в погонах. Несогласные с таким неспортивным поведением либо исчезали, либо отбывали в места не столь отдаленные. Даже блатной жаргон у Вована украли: «мочилово» и «сортир» органично вошли в лексикон уважаемых обитателей властных домов. И это обстоятельство лешака окончательно добило: он начал терять ориентиры, а без них, как известно, и леший в лесу – не леший.

Тертый лешак мог влиться в эту когорту новых хозяев жизни, но слишком многое его отталкивало в них. Прямая натура Вована предпочитала схватки – но открытые, жестокость – но в соединении с милосердием, хитрость – но вместе с некими понятиями о чести и справедливости... Серые люди, заполняющие властные и финансовые этажи, являли собой полную противоположность этим жизненным установкам лешака. Тогда он понял, что это – наступление Тьмы. А с Тьмой Вован органически не дружил. И крепко задумался о том, не вернуться ли ему в родные чащи.

Однако это оказалось не так просто. В силу своего неумного характера Вован уже успел засветиться во многих структурах, в результате чего на его бурную и не всегда законную деятельность «положили глаз». Часть бригады, которую он столь усердно сколачивал несколько лет, сама собой

незаметно рассеялась, перекочевав в бизнес-структуры или безопасные депутатские кресла, часть «переселилась» на погосты не по своей воле. Но когда сам лешак возымел желание удалиться от дел и вежливо намекнул об этом там, где надо, к нему неожиданно явилась парочка серых людей и скромно сообщила, что он не прав в своих намерениях. Проникнуть в логово Вована на Фонтанке вообще было непросто для незваных гостей, а эти двое объявились, словно из стены, в его спальне ночью как раз в тот момент, когда лешак с энтузиазмом охаживал очередную студенточку с порочно невинными глазами, страдающую хроническим отсутствием стипендии. Энтузиазм был грубо нарушен, и это событие оставило глубокий след в памяти впечатлительного лешака.

Вот тогда Вован и начал готовить пути отхода, не ставя в известность об этом Митромира. Впрочем, в последнее время боевой маг не жаловал его визитами, по горло занятый другими делами, из чего лесное чутье Вована сделало непреложный вывод: он прав в своих действиях, наступает что-то нехорошее, пора рвать когти.

Кое-какие возможности лешак, конечно, сохранил: боевую группу и некоторые связи в ключевых точках влияния. Однако аппетиты у новых серых людей не шли ни в какое сравнение с аппетитами их предшественников, и финансовые ресурсы лешака стали стремительно таять. Митромир, появляясь в этом мире набегам, все еще наивно полагал, что проблемы с чиновниками можно решать за тысячедол-

ларовую бутылку коньяка, на что Вован только усмехался.

Отправив группу спасателей мира в Карелию, Вован на следующее утро обнаружил, что из его сейфа, надежно упрятанного в дупле особо доверенной сосны, растущей только в ему ведомом месте рядом с Петергофским шоссе, исчезли коды «разговорных» сучков. Лешак приуныл. Связь с группой была потеряна. Воспользоваться сучками не мог никто, поскольку залятье к каждому – или по-современному пароль – налагал Вован, но, пользуясь похищенными кодами магической связи, перехватить разговор можно было. Для перекодировки требовалась сложная процедура, на которую у Вована не было времени. В итоге подаренный ему знаменитый сучок Мокрохвоста оказался вынужденно заблокированным.

Именно тогда лешак и решил оборвать все концы и рвануть вслед за группой. Те, кто украли коды сучков, еще успели перехватить его разговор с хитромудрым Варсом из «Веселой берлоги», чем и объяснилась столь массированная атака на нее. Вован не успел к сражению чуть-чуть, но, веря в силы друзей, решил отправиться сразу к конечной цели путешествия – точке перехода, хотя и знал ее только приблизительно.

И уж никак он не предполагал, что неведомый, но столь благожелательный вихрь свалит их ему на голову.

Вован уже не мог целиком полагаться ни на кого, потому, проследив с помощью остатков своей боевой группы путь

спасателей до пупкинского трактира, дал ей команду залечь на дно, а сам, доехав на джипе до Ладоги, без сожаления утопил его и двинул лесами к точке встречи, используя попутный лешачий транспорт – браконьеров-лесозаготовителей. Таковых в карельских лесах развелось немеряно, и Вован ехал на них с комфортом. К его чести, он не загнал до смерти ни одно «транспортное средство», и если оно иной раз выбиралось к населенному пункту за десятки километров от того места, где исчезло, чуть дыша и ничего не помня, то все-таки живое. На мировоззрение лешака благотворно повлияли Митромировы уроки человеколюбия и гуманности.

Так что не шел сон в Вованову голову – ну, никак не шел. Так всю ночь и просидел он, посвечивая во тьме зеленоватыми лешачьими глазами и не обращая внимания на громкий храп сомлевшего соглядатая-овинника.

Лишь когда над лесом застенчиво начал розоветь карельский рассвет, обещавший ясный морозный день, Вован принялся за дело – а именно за приготовление завтрака для измученной долгим путешествием митромировой команды, беззастенчиво используя припасы лесных жителей. И когда бледное солнце поднялось над горизонтом, над голубым пламенем костра уже аппетитно дожаривался на огромном вертеле очередной кабан, извлеченный из огромной кучи валяжника, присыпанной снегом. На том же вертеле булькал котелок с чаем из засушенных лесных трав.

– Мальчики налево, девочки направо, – из-под звериной шкуры показалась заспанная физиономия Лехи, волосики над его затылками стояли дыбом. – Мы еще живы? Странно... – и он с кряхтением пополз в ближайшие кусты.

Столь же страдающе просыпались и остальные спасатели, разбредаясь кто куда. А к костру степенно собиралась лесная компания, рассаживаясь вокруг на бревнах, заботливо собранных Вованом. Шумно отфыркиваясь, вылез из озера водяной и прошлепал к своему тронному пню, со всей очевидностью не собираясь уступить его каким-то пришельцам. За ним испуганно плелись русалки, подбирая на ходу брошенные при бегстве полушубки.

Еще через полчаса вокруг костра царила идиллия: вся лесная компания обгладывала кабаньи косточки, густо посыпанные неведомо откуда извлеченной Никитичем сушеной зеленью, издававшей явно восточный запах. Впрочем, в потрепанной походными ветрами шубе питерского домашнего могло храниться всякое...

Компания молчала. Но молчание было разное. Если у хозяев этого леса оно было деликатно-любопытствующее, то у прибывшей с неба команды – слегка очумелое и обидчивое. Вован молчал настороженно и в то же время покаянно. Митромир – задумчиво и слегка смущенно, пробуя рукой так и не побывавший в деле кинжал Марцеуса. Антон в задумчивой рассеянности с хрустом переламывал толстые кабаньи кости. Озабоченно проверял, задрал рукава, свою картинную

галерею Леха, словно не веря, что с него заживо не содрали кожу. Глазки Никитича внимательно ощупывали окружающий лес, и по его шевелящимся бороде и носу ясно угадывалось желание немедленно отведать грибной настойки местного разлива.

Общую задумчивость решил, наконец, прервать наблюдательный соглядатай-овинник, но инициативу проявил мудро: посунулся к уху водяного и проникновенно пошептал ему несколько слов. Водяной понимающе булькнул и произнес:

– Э-э-э... Впервые мы в нашем лесу встречаем воителей, с неба павших...

– Прибывших, – вполголоса поправил овинник.

– Ну да, упавших, – согласился водяной. – И сверзившихся в добром здравии. С этих самых...

– Небес, – снова встрял овинник.

– Туч хвостатых и неведомых, – сердито зыркнул на него водяной.

Овинник заткнулся, подавленный великой мудростью хозяина.

– Надеемся мы, сей полет прошел во благости и в завершение битвы великой, в коей победу вы одержали и кою надо чествованием завершить, – важно завершил водяной.

Местный хозяин вод и лесов был действительно мудр, полагая, что о героических подвигах нужно рассказывать за хорошей чашей самогона, каковой и явился на свет. А поскольку

ку этот классический народный напиток получил одобрение самого Никитича, то Митромир предложил деду повествовать о произошедших событиях.

И лесная чаща услышала вдохновенную сагу о неравной борьбе сил Света и Тьмы, в которой переплелись воедино верность и предательство, храбрость и трусость, дружба и коварство... По мере увеличения количества выпитых Никитичем чаш прошедшая битва приобрела сначала всепланетный, затем вселенский масштаб. Митромир с удивлением узнал, что способен испепелять взглядом несметные полчища Темных, а Антон, как выяснилось, небрежным мановением мизинца прихлопнул дюжину сильнейших демонов. Весняна стрелами чудесными и огненными поразила сонмище космических драконов, ну, а Леха... О нем Никитич повествовал так:

– И тут Алексей, также облачившись в одежды гнева и великого мужества, издал рык невиданный и матерный, и был тот рык столь велик, что пали в изумлении сорок сороков бесов и застыли в том изумлении навеки, став камнями бессловесными и холодными...

Леха, услышав о своих новых матерных возможностях, только крякнул и побагровел.

Хухрику досталась скромная роль: он, как выяснилось, лишь вызвал ураган, который добил уже поверженных Темных, а заодно подвез победителей сюда, поближе к порталу, к каковому, собственно, вся их компания и шествует.

Потрясенный лес молчал, а Никитич, прикончив неизвестно какую по счету чашу, промокнул бородой слезу вдохновения и ласково посмотрел на бутылку с самогоном. Бдительный овинник оказался на высоте, немедленно наполнив чашу деда. Вся остальная компания путешественников безмолвно переваривала содеянное ими.

Если Никитича пробило на одну слезу, то у водяного они лились ручьями. Чтобы он не иссох, русалки не однажды поливали его водой из озера, и от крепчающего мороза корка льда на водяном гремела, как боевой панцирь, вполне аккомпанируя вдохновенной саге питерского домового.

– Невиданно подобное николи, – проникновенно прохлюпал водяной. – И в весенних туманах подвигу сему песнь пропоют вдохновенные лягушки во веки веков...

Никитича почетная перспектива быть воспетым в весеннем лягушачьем хоре не очень вдохновила, и он, утерев бороду, деловито молвил:

– Ну, это вот так и случилось. И посему измученные битвами соратники мои вопрошают: так где же этот волнующий дух наш переход в мир иной?

– Да вот он, – и водяной, трубно сморкнувшись в пучок водорослей, махнул рукой – или лапой?..

Морозный воздух сгустился над поляной, засверкал льдинками, образовав подобие экрана с неровными краями, в нем что-то щелкнуло, заискрились непонятные полосы...

– Помехи, – скривился водяной. – Темные пакостят в эффи-

ре... – цапнул с земли ветку и старательно пошуровал ею в экране.

В морозных клубках прояснилось, что-то хрупнуло, хрюкнуло – и в обрамлении ледяных краев появилось изображение отвратной рожи с пяточком. Сведя маленькие пороссячьи глазки к переносице, рожа усердно орудовала в ноздре длинным кривым пальцем.

– У, – злобно сказал водяной. – Однако настройки сбились... – и ткнул в рожу веткой.

Та сморщилась, закатила глазки и оглушительно чихнула. Экран отъехал вдаль, словно его отнесло ветром, и явил взорам огромный замшелый валун, высящийся над верхушками сосен. Именно у подножия валуна вышеозначенная рожа и проводила манипуляции со своим пяточком. Картина отодвинулась еще дальше, и появилась огромная поляна размерами с футбольное поле, на которой живописно были разбросаны шалаши, палатки и прочие временные сооружения, предназначенные для проживания разнообразных существ, стайками прогуливающих по поляне. Отличались друг от друга эти существа настолько, что чувствительному Лехе снова поплохело.

–А-ва-ва... – произнес он, указывая дрожащим пальцем на обросшую шерстью фигуру, до боли напоминающую йети из «Веселой берлоги».

– Нежный какой... – буркнул Никитич и выплеснул в открытый рот оставного скинхеда добрую половину чаши с са-

МОГОНОМ.

Леха, впад в оцепенение, даже не закашлялся.

– Не знаю, почему вы называете его «Авава», – деликатно кашлянул водяной, – Но сам он себя называет Ойку, когда...

Хлоп! Леха медленно осел на заботливые руки Никитича.

–...В речь входит, – автоматически продолжил водяной, изумленно глядя на осоловевшего Леху. – Никак друга углядел сердечного?

– Сердечного... – пропыхтел Никитич. – Ажно до инфаркту...

– Ничего, он у нас крепкий, – наконец, вмешался Митромир. – А скажите, уважаемый, где тут сам переход?

– Да вот же, – ткнул веткой водяной в валун. – Увалом называемый и есть. Во время назначенное открывается в нем путь, который и ведет, как сказывают, в другие земли. Какие – не ведаю, сам не хаживал. А поле то – Увалова поляна.

– А что это за народ на ней толпится?

– Дак разный народ. Кто в те земли собрался, а кто так промышляет... Оно, вишь, докеле Увал откроется, надобно переждать, подкормиться, переночевать... Потому и торговлишкой народ там пробавляется...

– А также различными бытовыми услугами, – встрял, наконец, бдительный овинник, горя желанием показать свою осведомленность.

– И сколько времени это ожидание продолжается? – подозрительно спросила Весняна. – Оно ж мужики перепыются,

а если еще бытовые услуги...

– Самого высшего качества! – с готовностью отвечив оловинник. – Како положено на Руси.

– Банька с женским персоналом, игрища на кулачках, а также медов невозбранное количество, – сладко зажмурился водяной.

– Да?! – встали в охотничью стойку Антон, Леха и Никитич, даже Митромир прицелился взглядом в экран, а Хухрик взволнованно зашелестел ручками-ветками.

– Тьфу, – плюнула домовена. – Все вы одним дегтем мазаны, хоть лешаки, хоть просветленные.

Сверкнуло... и через минуту под дружные вопли всей компании Весняна сердито стирала потеки дегтя с физиономий Вована и Анта с помощью заколдованной на скорую руку еловой лапы.

– Буйное, однако же, у вас товарищество, – констатировал водяной, наблюдая за этой воспитательной процедурой. – А путей до того валуна всего малость, дня три.

– Опять пешком по буреломам... И без пива! – ожил Леха.

– Хтой-то нам снегоходы какие-то обещал, – припомнил ехидно Никитич, адресуясь Митромиру. – В Питер-граде еще, однако. А мы тут пехом по сугробам...

– А кто-то обещал машину с мигалкой и сопровождение эскорта, – маг оперативно переслал мяч Вовану. – И сучок Мокрохвоста не работал. Где мигалка, эскорт и связь, а?

Бродячее товарищество грозно воззрилось на лешака.

Вован смиренно потупился и со вздохом принялся рассказывать историю падения своего бизнеса. Товарищество сочувственно внимало, а Никитич даже украдкой промокнул слезу кончиком бороды.

– Вот она, Темь-то... – прокряхтел он. – Задубелого лешака – и того свернула.

– Это кто задубелый? – мигом вскинулся Вован. – Да я за такой базар...

– Тихо! – прекратил прения по докладу Митромир. – Подвожу краткий итог: акция по внедрению Вована в Темный мир потерпела поражение. Пока временное. Это минус. Плюсы: лешак остался... э-э-э... человеком, можно сказать, значит, мое воспитание не прошло даром, и слава проницательному мне.

Антон с Лехой дружно крякнули, а Весняна многозначительно хмыкнула.

– Есть и еще плюс, – нимало не смущаясь, продолжал маг. – Одним бойцом в нашем отряде больше, а значит, наши шансы еще больше возросли. Теперь нужно без потерь добраться до перехода. Посмотрим нашу скорбную экипировку – и в путь.

Собственно, сборы были недолгими. К удивлению путешественников, в кустах, окружавших поляну, обнаружилось оружие, заботливо принесенное ураганом. Антон обнаружил свой меч, так своевременно усмиривший подземного взламывателя земли, Митромир – шпагу, Весняна – лук

(колчан оставался у нее за спиной), Никитич – меч, кованный Пупой Седьмым, и даже арбалет с болтами, мирно упакованными в кожаный колчан. Леха после долгих поисков выволок из кустов за узорчатую ручку булаву и долго с уважением рассматривал ее. Лишь куст, именующий себя Хухриком, умудрился во время долгого полета сохранить при себе вилы, торжественно именуемые им трезубцем.

– А вы заметили, – сказал Антон, задумчиво рассматривая свой булатный меч, – Сколько веков оружию нашему, а на нем ни ржавчинки, ни щербинки... Умели раньше работать.

– Да, – согласился Митромир, заботливо оглядывая свою шпагу. – Это не просто оружие, это артефакты, причем большой магической силы. С ними надо еще уметь обращаться. А вы лупите ими по бревнам...

– Ты сам-то для начала разберись с кинжалом Марцеуса, – сварливо заступился за Антона Никитич. – Носишь его в ножнах, а в деле-то и не пробовал...

К общему удивлению, маг не возмутился, а лишь вынул кинжал из ножен, всмотрелся в его дымчатую рукоятку, вздохнул:

– Не признает до сих пор хозяина... Нет цвета в рукояти. Ну-ка, Вован, может, тебя признает? Ты-то у нас безоружный.

Однако кинжал оказался своенравным и в лапищах лешака не пожелал обнаружить цвета рукояти. Вован огорченно крикнул и вернул Митромиру изделие хитроумного Марце-

уса.

Далее выяснилось, что экспедиция оказалась, по существу, обездоленной после героического сражения: и без того скудное снаряжение осталось в «Веселой берлоге» – несомненно, к вящему удовольствию Варса. Последнее обстоятельство особенно угнетало Никитича. То, что дед сохранил неприкосновенный запас золота, никоим образом не утешало.

– Я же вроде, в натуре, вас снарядил по полной схеме, – сварливо заметил Вован. – «Тойоту» под завязку набил...

Пришлось доходчиво разъяснить лешаку, что и внедорожник, и шумовые гранаты, и прочее добро унеслось в неизведанные дали вместе с пограничниками, героически бросившимися в погоню за неведомым врагом. То продовольствие, что удалось от них спасти, было благополучно съедено во время путешествия к «Веселой берлоге». А из нее они и вовсе выскочили налегке: кто же идет в битву с рюкзаками? Лишь Никитич в силу прирожденной бережливости сохранил десантный нож и компас.

– Вы же маги, – возмущался Леха. – Что вам стоит соорудить скатерть-самобранку? Желательно с бочонком пива – или лучше с двумя... Я уже забыл, каково пиво на вкус!

– На магию надейся, а сам не плошай, – отвечивал Никитич. – Живое сотворить – это тебе не бурю поднять. Такое и боги не все умеют. Вот хочешь – в лягуху превращу? Тогда мошками поснедаешь.

– Где ты зимой мошек видел? – буркнул Леха, опасливо отодвигаясь подальше от деда.

Впрочем, лесное сообщество, посоветовавшись в сторонке, решило снабдить экспедицию припасами, состоявшими преимущественно из жареных на костре окороков и большой бутылки самогона. Под благодущное бульканье водяного на свет были извлечены еще связки вяленой рыбы, хранившейся с лета, а овинники притащили сушеные травы и ягоды. После заметного колебания лесной народ еще расщедрился на мешочек соли, бывшей, видимо, в этих местах большой драгоценностью. Все это богатство, за исключением трав и ягод, которые исчезли в бездонной шубе Никитича, разложили в два брезентовых мешка с ляжками, которые вызвали у Лехи некие нездоровые воспоминания. Он так и окрестил эти принадлежности: "Прощай, свобода". Однако вызвался тащить мешок с бутылкой, заботливо упаковав ее в мох.

– Может, нам Вованов транспорт использовать? – подумал вслух Митромир, имея в виду людские браконьерские ресурсы.

Однако лешак идею отверг, пояснив, что таким способом могут передвигаться преимущественно лешие. И ехидно добавил, что вот домовый, мол, еще бы мог ехать на чьем-нибудь загривке в качестве мыши, а найти для такого количества людей тягловую силу затруднительно. Никитич тут же взвился и прошелся по поводу бревен, именующих себя Вованами – и быть бы тут вновь великому ору и шуму, но в де-

ло авторитетно вмешался водяной.

– Мне, конечно, не гоже вразумлять столь знатных путешественников, – важно пробулькал он, – Но мнится, что путь сей уменьшить возможно, елико проложить его не по чащобам темным, а по гладу речному и озерному. И розвальни дам. Влекомые народом моим.

И подумав, добавил:

– Такожде.

В радостном переводе Никитича это означало, что местный хозяин предлагает совершить легкую прогулку по льду рек и озер прямо до точки перехода в комфортабельных санях.

– А влекомые... Тьфу, кто влечь-то будет? – спросил подозрительный Леха.

– Так утопленнички же, – простодушно молвил водяной и махнул соглядатаю-овиннику. – Выводи тягло!

Тот метнулся к озеру, а Леха снова стал медленно зеленеть. И не зря: из проруби в озере под бодрые окрики овинника стали выползать бледно-синие утопленники в мокрых одеждах, и по мере их медленного приближения отставной скинхед зеленел все больше.

– Чтой-то полудохлые они у тебя, – озабоченно молвил Никитич. – Еле ползают.

– Ты им еще зубы посмотри, – ворчливо булькнул водяной. – О прошлом годе оне у меня карельские скачки выиграла. Один, однако, совсем развалился... Так ведь столет-

ний был.

– Леха, ты терпи, – успокаивающе сказал Антон покачивающемся скинхеду. – Представь, что это запрягут каких-нибудь гастарбайтеров... Нехорошо, конечно, а куда ж деваться?

Странно, но этот довод возымел на Леху живительный эффект: щеки его порозовели, а в глазах появилась мысль.

– И правда, – пробормотал он. – Как я сам до этого не додумался...

Розвальни были сооружены быстро и просто: шустрый лесной народ натащил веток, сучьев, связал все это и нацепил подобие хомутов на утопленников, коих оказалось шестеро.

– Вот, шестериком поедете, – гордо констатировал водяной.

– А это не развалится? – спросил Антон, с сомнением глядя на кучу веток и сучьев.

– С умом делано, – оскорбился руководивший процессом овинник-соглядатай. – Не впервой... Ремни сыромятные, полозья из лиственницы нашей, карельской, деланы, дорогой обтешутся. Ну, ежели какие лапы сосновые и потеряются, вы на стоянке-то новые подложите. Да не забудьте потом шестерик обратно отправить.

И задумчиво пояснил:

– Диковатые они иной раз бывают... Особенно вон тот, гнедой, – и указал на мужика в пятнистой кожанке. – На охо-

те прошлым летом дружки его пришибли да в озеро скинули. Депутат какой-то, сказывал...

– Давно мечтал на депутате покататься! – возрадовался Леха. – Не всю жизнь им-то на нас ездить!

– Наверняка наказ чей-то не выполнил, – глубокомысленно заметил Антон.

– Или заказ... Тьфу, – сплюнул Никитич. – И какой только гадости в лесах ваших не водится...

– А вы его кнутом почаще, – сказал овинник, протягивая Вовану орудие управления. – Речь разумную он не понимает, совсем разучился, видать... Дикий, одно слово. Остальные дорогу к Увалу ведают, я уже им накажу.

– А тормозить ими как? – все еще сомневался Антон. – Ну, останавливать?

– А это лешак ваш знает, – пояснил овинник. – Он в лесах и с живыми, и с нежитью управляется.

– Заморенные они какие, – жалостливо протянула Весняна.

– Ничего, я их взбодрю, – хладнокровно сказал Вован. – Особенно депутата. Знаю я эту породу. К нему бы в пристежку еще чиновника какого, мэра или губернатора, а еще лучше – эффективного топ-менеджера – ветром полетели бы, они кнут любят... Ладно, и так сойдет.

– К закату, однако, довлечетесь, – сказал водяной. – Мороз-то крепчает, в самый раз будет. А припекли там вас, однако, эти самые... депутати, чиновные, губер... тьфу, и не

выговоришь.

– Эта кодла весь народ простой задавила, – хмуро сказал Вован. – Темная она, что с нее взять... Давайте-ка собираться. А что до заката – ну я их так пришопрю, что и пораньше сумеем.

Впрочем, сборы были недолгими: вся компания погрузилась на воз с ветками, а Леха нежно обнял мешок с бутылкой.

– Благодарствуем, жители лесные, – поклонился Никитич. – Будете у нас в Питер-граде, заглядывайте, авось и мы пригодимся...

– Держись крепче за ремни! – гаркнул Вован и, взмахнув кнутом, свистнул.

По поляне пронеслась звуковая волна. Посыпалась хвоя с деревьев, взметнулась снежная пыль, лесные жители присели... Шестерик утопленников взвился в воздух в прыжке, взрыл землю ногами – только не заржал – и, взяв галопом с места, стремительно понес розвальни на ледяную гладь озера...

Глава 3

Сама скачка, как говаривал потом многоопытный лешак, ничего особенного собой не представляла. Ну, подумаешь, нежить в упряжке... Так всей Россией сейчас нежить там и тут правит, только в обличье живом... И прежде всего сверху начиная, между прочим. Бодро бегут – и это главное. А вот куда – тут уж кнут помогает, а чаще – и дубина. Правда, надо знать, как тем и другим инструментом пользоваться: переборщишь – нежить в такое болото занесет, из которого не скоро выберешься.

Внешне для посвященных это выглядело фантастически: дикие посвисты Вована, мертвый храп и дружный топот упряжки, визг снега под самодельными полозьями, свистящий ветер в ушах, снежная пыль с проносящихся мимо деревьев...

Розвальни были сделаны на славу: ветки, сучья, держались, как влитые и не только не терялись, но за них вполне было можно держаться. Видать, домовые скрепили это сооружение еще и словом магическим. Вован был в своей стихии: стильную кожаную куртку вздыбили могучие мышцы, кнут змеей вился в воздухе, глаза горели зеленым светом... За бывшим депутатом он бдительно присматривал, да тот и в самом деле был диковатым: пытался путать упряжку, тянул то влево, то вправо, да еще, похоже, на бегу пытался до-

говориться с соседями о саботаже. И потому Вованов кнут постоянно витал над ним и чаще, чем другим, напоминал о необходимости держаться правильного курса.

Пафос гонки захватил ездоков. Им уже не казалась странной сумасшедшая скорость, с которой неслась упряжка, не удивляло то, что порой леса, несшиеся мимо, сливались в серо-зеленую полосу, а ветер обтекал импровизированные сани по сторонам, обдавая лишь редкой снежной пылью. И первый прыжок в воздух, когда диковатая шестерка в разбеге взметнулась с обрыва, чтобы перемахнуть изрядный по размерам лес и приземлиться на очередном озерце, вызвал лишь вопли восторга. Во втором прыжке Леха огласил окрестные леса неувядающим шедевром «Вихри враждебные веют над нами», героически помахивая над головой булавой, пока Никитич ощутимо не пнул его ботинком в бок, рывкнув: «Накликаешь, олух!». Леха притих и лишь нежно обнимал бутылку с самогоном. Следующие прыжки стали настолько привычными, что кое-кто из компании вздремнул.

Через несколько часов гонки лешак особенно заливисто свистнул, прошелся кнутом по пристяжным, особо отметив депутата, и шестерка, взрыв снег, затормозила у края полого берега лесного озерца.

– Мальчики налево, девочки направо, – выдал Вован привычную туристическую фразу. – Перекусываем – и в дорогу!

Перекус, состоявший из холодных окороков и изрядной порции самогона, много времени не отнял. Лишь Весняна,

тайнственно улыбнувшись, от самогона отказалась, отлучившись куда-то на десяток минут и вернувшись с явственным запахом горячего кофе. Народ только носом повел, но ничего не сказал.

А затем снова началась гонка. словно миг, пролетело еще несколько часов. Вован, поглядывая на темнеющее небо, на леса, по которым проносились снежные заряды, все чаще подхлестывал шестерку утопленников, свистел и гугукал так, что с елей осыпались снежные шапки. Розвальни заносило на поворотах, торчащие из них ветки все чаще сшибали прибрежные кусты, и удивительным образом вся конструкция еще как-то держалась, словно отечественная автопродукция на зарубежном авторалли – из чувства престижа. Утопленники храпели, из их ноздрей вырывался пар, а глаза стали наливаться красным вурдалачьим светом.

– Ты полегче! – проорал сквозь распушившуюся бороду Никитич. – Тут тебе не...

И чихнул.

Что имел в виду бедовый домовой до чиха, осталось неизвестным.

– Мля! – только успел в ужасе возопить Вован и взмахнул в последний раз кнутом. Но было поздно.

Ошалевшая тяговая сила в отчаянном прыжке взвилась в воздух в последний раз, завыл воздух, разнося в клочья розвальни, словно копну сена, промелькнули внизу какие-то буро-пегие пятна, и вся компания в туче снега врезалась в

Увалову поляну.

То, что это именно та поляна, стало ясно, когда снежная пыль опала, и путешественники, выпутавшись из веток распавшихся розвальней, узрели окружившую их мрачную толпу, выставившую вперед различные орудия уничтожения – от корявых дубин до вполне современных автоматов «узи». Причина столь недружелюбного приема выяснилась тут же: во время не самой мягкой посадки вконец одичавшие утопленнички, буксируя за собой остатки сцементированной магией повозки, пропахали широкую борозду по всей поляне, попутно снеся десяток шалашей, палаток, хижин, а заодно и их обитателей. Последние потом утверждали, что сему явлению предшествовал еще гром невиданной силы, повредивший их барабанные перепонки, за что вообще-то положена отдельная компенсация.

Быстрее всех нашелся Вован, очевидно, благодаря опыту, приобретенному в плодотворной коммерческой деятельности.

– Стоять, в натуре! – гаркнул он так, что ближайшие оппоненты невольно присели. – Вольны не трогай! Мы не фрера, мы свои.

На окружающую толпу эта речь, очевидно, произвела благоприятное впечатление: дубинки и стволы опустились. Вперед выступил длинный мужик в дорогой кожанке, с поблескивающим «ролексом» на запястье. Лицо он носил самодовольное и кокетливо покачивал из стороны в сторону голо-

вой на длинной шее, словно свидетельствуя: я хозяин в этой жизни, а вы тут появились по недоразумению. Лешак при виде его немедленно ощетинился.

– А чем докажешь, что не фраера? – спросил мужик, повиливав головой. – Вот меня любой знает, а вы что за лохи?

Вован от презрения только фыркнул. И тут в дело вступил Никитич, ласково светя синими озерными глазами.

– А ты, милоч, не видишь? – благожелательно спросил он. – Путешествуем мы. Да, вишь, упряжка малость подвела, понесла. Особливо вон тот, твой знакомец, – и ткнул пальцем в утопленника-депутата.

На утоптанном поле воцарилась тишина. Депутат повернул красные в глаза в сторону длинношеего мужика и всхрапнул. Мужик отступил назад и побелел.

– Депутатия этого ты помнишь, – столь же ласково продолжал Никитич. – Он хоть и сволочь продажная, как и положено ихнему сословию, но почто жизни его лишать, в болоте утапливая?

– Я... я не топил... – длинношейй попытался спрятаться в толпу, и даже шея его, казалось, одеревенела.

– Сам не топил, – согласно кивнул Никитич. – Но приказ дал.

– Врешь! – взвизгнул мужик, не отводя глаз от вперившегося в него утопленника.

– И даже женщина у вас одна была, – неожиданно сказала Весняна. – Ладно этот, – она кивнула головой в сторону де-

путата, – деньги не поделили... А женщину-то зачем убил?

Дикий рык пронесся над огромной поляной. Утопленный депутат мощным рывком порвал ременные путы, связывавшие его с остатками розвальней, и кинулся на длинношеего. Реакция у того оказалась неплохая: мужик исчез в толпе. Однако она мгновенно рассыпалась, и утопленник пустился вдогонку за мчащимся в лес врагом. В наступившей тишине только треск сучьев извещал о том, что погоня продолжается. Но была она недолгой: над лесом снова пронесся торжествующий рык, сопровождаемый визгом ужаса, а затем все стихло.

– Ну, вот, – хладнокровно подвел итог Вован. – Как я теперь этого придурка-депутата водяному верну?

Он повернулся к оставшейся упряжке и грозно приказал:

– Немедля найдите этого, который в лес стреманулся, и живо – назад, к хозяину!

Утопленничков быстро освободили от упряжи, они бодро всхрапнули и ломанулись в лес.

– Ну, со скотиной разбрались, – с облегчением резюмировал Митромир, пожелав вступить в диалог с аборигенами. – А с нас – угощение честной братве Уваловой поляны! – и царственно принял радостные вопли толпы.

– Маг – он и есть маг, – ворчливо бубнил Никитич, собирая разбросанные на посадочной линии пожитки. – Нутром чую, до червонцев, мною спасенных доблестно, добираться...

***

Ясная звездная ночь, редкая для нынешней зимы, раскинула свой таинственный полог над карельскими лесами. Суматоха, вызванная триумфальным прибытием буйной команды, давно улеглась. Шалаши и хижины быстро восстановили, общий ужин был оживлен несколькими ящичками водки, выставленной Митромиром местной публике в целях достижения консенсуса, несмотря на горестные вопли Никитича. Впрочем, дед быстро утешился, когда ушлые коммерсанты презентовали ему внушительную флягу грибной настойки – тем более что благодаря изобилию карельских лесов она им почти ничего не стоила.

Местом ночлега всей компании Митромир избрал хижину, стоящую на краю поляны. Ее охотно освободил обитавший в ней толстенький субъект, смахивавший на перекормленного кролика. Причины его сговорчивости пояснил разбойничего вида леший, бывший на поляне кем-то вроде старосты:

– Побежал в бунгалию этого, как его... ну, которого ваш утопленничек в лесу порвал.

– В бунгалию? – удивился Антон. – Это что за сооружение?

– Это он так бунгало называет, – снисходительно пояснил всеведущий Леха. – И что, этот кролик не из брезгливых? Не боится усопших?

– А чего ему, – равнодушно ответил леший. – Банкир он.

Бывший. А они не из брезгливых. Могут и в норе барсучьей жить, если денежкой приманить. Уж я навидался тут всяких. Зато ваша хижина попросторней будет, все и поместится.

Дощатое сооружение, более всего напоминавшее сарай, и впрямь было просторным, потому вся компания решила ночевать здесь, на разостланных звериных шкурах. Оно и безопаснее, и теплее, выразил общее мнение Никитич. Весняна тоже не возражала: понятно было, что в соседстве с компанией, собравшейся на поляне, не до стеснительности. Да и походная жизнь, богатая на разного рода увлекательные события, не оставляла времени на особые раздумья о разнице полов.

Уже поздней ночью перед хужиной пылал костер, в который были брошены два смолистых бревна. Огни костров рассыпались и по всей поляне: ее обитателям, взбудораженным шумным прибытием новичков, не спалось сегодня.

У костра засиделись Никитич, Митромир и местный староста-леший. Абориген охотно прихлебывал из деревянного кубка грибную настойку и рассказывал о житье-бытье публики, жаждущей перебраться в мир иной. Дед с магом слушали грустную повесть о взбудораженной России, бегущей неизвестно куда, и лишь вздыхали.

– Дак вот этот мужик-то, который в лес ломанулся, – вспомнил староста. – Ты, Никитич, знавал его? Подробно так ему выложил, кто он есть такой...

– Неизвестен он мне, – сумрачно ответил дед. – А узреть

долю малую жизни кого-либо – дело нехитрое. Только не с каждым удастся. Да и не к каждому хочется в жизнь лезть. Мало хорошего-то...

– Одного не пойму, – задумчиво продолжал староста. – Богатый был очень человек, слыхивал я тут... Олигархом его кликали. И власть немалую имел... Спрашивал я его, зачем ему иные миры. Так знаете, что ответил? Скучно, говорит, людишки кругом – грязь... Власти великой хотел над этой страной, но там, грит, своя банда, не пустят. Здесь все извдал, и куда себя деть – не знает. Ну, это надо же! Но я так думаю – неправду говорил. Или не всю правду.

– Это почему? – спросил Митромир. – Судя по твоему рассказу, народ здесь собрался не бедный. Многие, во всяком случае. И что, все говорят – скучно?

Леший придвинулся поближе, оглянулся и шепотом сообщил:

– Боятся.

– Чего? – одновременно спросили маг и домовой.

– Конца мира, – авторитетно сообщил леший.

Митромир и Никитич дружно захихикали. Леший обиделся:

– И ничего тут смешного! Вы что, не видите, каковы людишки стали?

– Ну, насчет людей, – Митромир подчеркнул это слово, – ты поаккуратней. Люди разные... А конца света ожидали столько раз, что и не сочтешь. Только в этом тысячелетии

– уже не однажды, сначала на 2000-й год, потом по сказкам майя... Слышал о таких?

– Неа, – мотнул мохнатой головой леший. – Только и лесной народ в сомнениях. Не бывало такого, чтобы погода не день многожды шаталась от тепла к морозу. От дождя – к снежному бурану. И чтобы медведи не знали, залегать ли им в берлоги. А пятнистых зайцев видел? Тоже ведь не поймут, какую шкуру накидывать, летнюю, али зимнюю... И с каких это пор в лесах-то наших карельских земля вздрагивать стала?

– Когда это она вздрагивала? – подозрительно спросил Никитич. – Ну вот, в последние-то разы?

– Да тому дня два назад, – почесал затылок леший. – И буря тут пролетела средь ясна неба... Вмиг все почернело.

– Так то понятно, – отмахнулся Никитич. – То мы с Темными бились героически и доблестно, как в старину. Вот и у вас слышно стало, как мы их жесточайше побили.

– Да? – выпучил глаза леший. – Так, стало быть, это ваши деяния народ тут перепугали?

Никитич скромно приосанился, а Митромир озабоченно спросил:

– Кстати, а здесь, на поляне, Темные есть? И много ли? Староста-леший махнул лапой:

– А кто их знает, кто тут Темный али Светлый... Тока у нас здесь перемирие, никого тронуть нельзя. Иначе камень заветный проход не откроет. Ни туда, ни оттуда не пропу-

стит, коли вражда на поляне.

– То-то нас с дубинами встретили, – буркнул Никитич.

– Дак и прибыли вы не мирно, – парировал леший, – а с великим шумом и грохотом, народ поваляли. Да вот олигарха-то ентого ваш утопленничек еще в лесу загрыз, буйну головушку на кол посадил, ровно вора иль разбойника како-го...

– На осиноый? – со знанием дела спросил Митромир.

– А ты откель знаешь?

– Так олигархи все – воры и жулики, – охотно пояснил маг. – И осиноый кол им просто необходим, чтобы не могли слезть с него. Живучи очень. Утопленничек-то знал этот народишко, потому и выбрал осину.

– Оно и для банкиров хорошо, – авторитетно сказал домовой. – У тех – вампирья порода, без осины никак.

– Очень полезительное сие дерево, – глубокомысленно согласился леший. – На нем такожде можно и чужеземцев развешивать – долго висят, не тухнут.

– Это каких таких чужеземцев? – не понял Никитич.

– Да являются тут в последние-то времена, лес валят не по закону и варварски, – отмахнулся староста. – Не по-нашенски говорят, ликом черны и воняют, однако. А теперь и желтолики да косоглазы появились.

– И здесь гастарбайтеры, – вздохнул Митромир.

– Наших-то, тех, кто лесом промышляет, мы попугаем, по чащам погоняем да покатаемся на них, они малость в разум

приходят, понимают, что лес беречь нужно, – продолжал леший. – А чужеземцев – на осину... Что им втолкуешь? Беда только, что не успеваем, все новые прибывают.

– Ну, ты, однако, как наш сотоварищ вещаешь, – усмехнулся Никитич. – Скинхедом себя прозывает. Не любит инородцев. А они, поди, тоже люди...

– Я их сюда не звал, – насупился леший. – Коль пришли – пусть законы наши лесные соблюдают. И человеческие. И понимают свое место. Покуда же ведут себя как в государстве завоеванном, место им – осина.

– То знакомо, – вздохнул домовой. – И сюда Темь проникла...

– Вот то-то и оно, – резюмировал леший. – Ежели все собрать, то оно и выходит, что вроде как неладные времена приходят. Потому людишки... люди, – поправился он, бросив быстрый взгляд на Митромира, – и переполошились насчет конца света.

– А сколько в среднем здесь раньше собиралось народа перед открытием портала? – тоном бухгалтера осведомился Митромир.

Другого лешего этот вопрос поверг бы в ступор, но староста был тертым лесным жителем и бодро ответил:

– Ну, если на моем веку, то не больше пяти-шести всяческих личностей дожидалось... А ныне больше сотни каждый раз набирается. Да не случайные: попадаться стали богатеи разные, купчишки. С любовницами и без. Бывают и вовсе

странные личности, не поймешь, кто. Дорогу сюда ведь не каждый знает.

– И возвращаются обратно? – спросил маг. – Или поток только в одну сторону? Оттуда кто приходит? Может, с товаром каким?

– Оттуда мало. То ли нравится там, то ли пропадают... А товар – что оттуда на себе принесешь? Проход ведь только пешех пропускает. Магические вещички, бывает, приносят, только они здесь как-то не так действуют. Или вовсе простыми вещичками становятся. Ходили слухи – хотели оттуда принести что-то совсем уж могущественное, но там стража, на тропе, она это дело чувствует и не пропускает. В страже тролли ходят, а их не подкупишь. А золото что там, что здесь в цене, какой смысл туда-сюда его таскать?

Компания у костра призадумалась. Ночной лагерь постепенно накрывала тишина, гасли костры, темные зубцы елей резче проявились на фоне ночного ясного неба.

– А когда Увал-то открывается? – спросил Никитич.

– Да не угадаешь, – пожал плечами леший. – Бывает, в месяц по два-три раза разверстывается, а иной раз и по два месяца заперт. Вот и дичает тут народ. Кто-то не верит, уходит, а иной в загул бросается... Только у нас порядки лесные, шибко-то разгуливаться да колобродить не даем. Чуть что не так – на осину аль обратно в мир ваш пинком... В последний-то раз Увал дней пятнадцать назад открылся, так что ныне ждем, вот-вот должен.

– И что там за мир? – не отставал Никитич. – Сам-то там бывал? Говорят, туда народ наш ушел.

– Не знаю, там я не был... Кто возвращался, рассказывают, что мир как мир, только железок всяких ваших там нет, не работают оне... А наших народов много – и лешие, и домовые, да гномы разные, тролли из-за рубежья по другим проходам когда-то пришли. Да вы оба и сами знаете, когда исход народов наших отсюда пошел...

– А кто там разруливает? – спросил Митромир. – В смысле, правит?

– Да там целых три земли, – озадачился леший. – В двух правители вроде, а в третьем не пойми чего...

Митромир и Никитич переглянулись.

– Что, три страны на целый мир? – недоверчиво спросил маг. – Так это аналог Земли или другая планета?

Астрономические тонкости были выше понимания лешего. Но и терять имидж знатока ему не хотелось, а потому он, как мог, скроил на своей корявой роже значительное выражение и пробубнил нечто вроде: «Чего пристали, вот попадете туда, сами и увидите...».

– Ты хоть скажи, – попытал его напоследок Никитич, – сей мир Раземельем кличут, али другой?

– Вроде этот, – неуверенно ответил леший. – Но слышал я, Раземелье не одно. Приходил народ из другого места, где другой есть вход, тоже рек, что и там Раземелье... И вообще те, кто оттуда вертались, не шибко словоохотливы были, –

признался он. – Вроде как не в себе являлись. Да и мало таковых было.

– Бедлам, как всегда, где магия начинается, – проворчал Митромир. – Все туманно и неясно. То ли дело людская наука: хоть ограничено, зато доказуемо и повторяемо. Бывал я в Раземелье, а теперь поди догадайся, в каком.

Тут староста-леший зачем-то оглянулся, придвинулся к собеседникам и шепотом поведал:

– Другое тревожит нас, народ лесной... Сила идет оттуда, когда путь открывается. Магические талисманы тут, в нашем мире, начинают действовать, хотя с незапамятных времен такого не было. Чем далее от камня, тем сила ослабевает, но перешагнула она границы миров, и опасно это. Не всякому сие известно, но вам говорю истинно. Вы уж посмотрите там, чего и как. Нельзя допустить, чтобы миры открылись друг другу, а границы стерлись, ибо произойдет тогда ужасное.

– Порталы всегда на замке были, – задумчиво сказал Митромир. – Оттуда проникало что-то, конечно, но в очень малых количествах для того, чтобы воздействовать на магосферу Земли.

– Не знаю я сих словес мудреных, – сказал леший. – Но сила оттуда идет непростая... Темная. Недобрая.

– Это нам известно, – заметил Никитич. – Худое к нам идет. А из порталов или еще откуда... Неведомо сие. Однако спать надобно, други. День завтра, чую, нелегкий будет...

– Можно подумать, у нас до сих пор сплошной отдых

был, – проворчал Митромир, поднимаясь.

Глава 4

Красное утреннее солнце еще только показало свой краешек над щеткой карельских лесов, как обитателей поляны разбудил хриплый трубный рев. Из шалашей, хижин, сараев полезли хмурые, невыспавшиеся личности, в воздухе бодряще прозвучал отборный русский мат, суть которого сводилась к одному: кто устроил неожиданную побудку? И чья мама виновата в том, что на свет появился этот нехороший человек?

Если мама и была, то явно не человечья: виновником переполоха оказался леший-староста, изо всех сил дующий в огромный рог, отнятый когда-то у неведомого животного явно не местного происхождения. Узрев его, разнокалиберный народ поумерил выражение своих чувств, что свидетельствовало о немалом авторитете лешего.

Когда жаждущие попасть в Раземелье, кашляя и чихая, собрались в центре поляны, сноровистые лохматые существа приволокли подобие каменного трона и большую колоду с дуплом, расположив их рядом с увалом. Староста торжественно уселся на трон и возгласил:

– Явлено мне, что откроется Увал днем сегодняшним, и войдут в него страждущие числом двенадцати, не более!

Толпа возмущенно заревела, но леший кашлянул в рог, отчего по лесам пошел гул, и народ, присев, затих.

– Квоту нам не пресечь! – сурово объявил леший, отчего сразу стал похож на замшелого бюрократа из районного бюро трудоустройства. – Ведомо вам, что число проходящих туда устанавливают они, а идущих оттуда – мы. И так заведено не нами.

– А здесь-то квоту кто устанавливает? – выкрикнули из толпы. – Ты, что ли?

– Может, и я, – недобро умехнулся староста. – Вот только, сколько помню, ни разу еще та квота не была выбрана... Желających возвернуться мало было. А уж погибли оне там, али прижились – кто знает.

Над поляной повисло раздумье. Люди переглядывались, переговаривались, осмысливали, хотя разговоров об этом было уже между ними немало.

– Ну и как мы будем решать, кто пойдет? – выкрикнул снова все тот же голос из толпы.

– А голосованием, – ответил леший-староста, обнаруживая немалое знакомство с нынешним миром людским. – Ранее всяко было: и на мечях бились, и на топорах геройствовали... А ныне людишки мелкие пошли, толпою норовят решить – вот и голосуйте. Избирайте достойных, – неприлично хихикнул и поудобнее устроился на своем каменном сидалище.

Почему хихикал бывалый леший, выяснилось позднее, когда на поляне началась торжественная процедура выборов. Прежде всего, выявились лидеры, вокруг которых образова-

лись группки. Выдвижение происходило по-разному. Где-то шел ожесточенный торг, мелькали в воздухе кредитки и пачки купюр. В других случаях дело решалось просто: чья глотка громче. Одна из групп разделилась надвое и мрачно выставила на противников дула автоматов, но леший-староста решил вопрос просто: направил в ту сторону свой чудной рог и кашлянул в него. Противники повалились, как подкошенные, снесенные звуковой волной, и более братья за оружие не решались.

Бывалый Никитич и здесь проявил знание традиций российского парламентаризма: предусмотрительно отвел товарищей в сторонку, к сваленным недалеко от каменного трона старосты бревнам, на которых вся компания и уселась, с интересом наблюдая разворачивающееся перед ними действо. Домовой заставил всех нацепить на себя все железо, приобретенное в оружейной «Пьяной берлоги», особо упирая на волшебные качества Антонова меча и кинжала Марцеуса.

– Читывал я в интернетие, что у нас на выборах оболванивают человека, – пояснил дед свою осведомленность. – Пиарствуют всяко и творят другое злое волшебство. А оно нам ненадобно. И опаску от сего следует иметь.

Тем временем в толпе на поляне вновь начало броуновское движение, все перемешалось, затем она вытолкнула из себя двух личностей, которые направились к старосте.

– Мы, это... – начала беседу личность с козлиной бородкой, в очках на длинном прыщавом носу. – Необходимо

уточнить процедурные вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.